

ОШИБКИ РОДИТЕЛЕЙ

ДЕВУШКА ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Часть 3

РАЗОРВАТЬ ЦЕПЬ

Иногда
разорвать цепь —
значит не
отвернуться
от прошлого,
а найти в себе
силы больше
не повторять его.

Прошлое
не должно
определять
будущее..

ПРИНЯТЬ
ПОНЯТЬ
ПРОСТИТЬ
ОТПУСТИТЬ
ЖИТЬ

Новая
жизнь
возможна

СЕМЬЯ

ПОДДЕРЖКА

СВОБОДА

БУДУЩЕЕ

Мы
можем
больше

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

О СЕМЬЕ, КОТОРАЯ УЧИТСЯ СЛЫШАТЬ, А НЕ ПОДАВЛЯТЬ

ОШИБКИ РОДИТЕЛЕЙ: девушка за закрытой дверью

Надежда Порошина

**Ошибки родителей. Девушка
за закрытой дверью. Часть 3**

«Автор»

2026

Порошина Н. А.

Ошибки родителей. Девушка за закрытой дверью. Часть 3 /
Н. А. Порошина — «Автор», 2026 — (ОШИБКИ РОДИТЕЛЕЙ:
девушка за закрытой дверью)

После ложного объяснения в полиции Анна остаётся без дома, поддержки родителей и доверия Константина. Ей предстоит впервые жить самостоятельно, отвечать за собственные решения и защищать сына, не прячась за чужую силу. Но семейные ошибки уже повторяются в поведении Миши: он лжёт, наказывает других и пытается заслужить любовь послушанием. Чтобы остановить эту цепь, Анне придётся признать не только жестокость отцовского контроля, но и собственные поступки. Она должна сказать матери правду, выдержать последний разговор с отцом и понять: простить человека не значит снова впустить его в свою жизнь. Третья часть психологического романа о взрослении, восстановлении доверия и материнстве без требования быть идеальной. Ошибки родителей неизбежны. Наследством они становятся лишь тогда, когда взрослые отказываются их признавать.

Содержание

ЧАСТЬ III. РАЗОРВАТЬ ЦЕПЬ. Глава 21. Цена страха	5
Глава 22. Женщина, которая потеряла себя	15
Глава 23. Правда, которую она боялась сказать	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Надежда Порошина

Ошибки родителей. Девушка за закрытой дверью. Часть 3

ЧАСТЬ III. РАЗОРВАТЬ ЦЕПЬ. Глава 21. Цена страха

В первую ночь в съёмной квартире Анна почти не спала.

Капли падали из крана через равные промежутки. Она пыталась считать их, как в детстве считала удары часов за стеной, когда отец возвращался поздно, но каждый раз сбивалась.

На кресле-кровати ворочался Миша.

Около трёх часов он позвал:

— Мам.

Анна сразу поднялась.

— Я здесь.

— Свет включи.

Она зажгла ночник.

Миша лежал, натянув одеяло до подбородка.

— Кто-то ходит.

— Это соседи наверху.

— А если дедушка?

— Дедушка сюда не придёт.

— Он адрес знает?

— Нет.

— А Костя?

— Знает.

— Почему он не пришёл?

Анна села рядом.

— Мы договорились встретиться завтра.

— А вдруг он передумает?

— Тогда позвонит.

— А если не позвонит?

Она не нашла ответа, который одновременно был бы честным и успокаивающим.

— Будем решать дальше.

— Ты опять не знаешь.

— Не знаю.

Миша отвернулся.

Через несколько минут его дыхание стало ровнее. Анна вернулась на кухню, но едва легла, как услышала шорох.

Миша стоял в дверях.

— Я описался.

Он произнёс это тихо, с ужасом ожидая её реакции.

Анна поднялась.

— Ничего страшного. Сейчас всё поменяем.

— Я не маленький.

— Конечно.

— Большие не писаются.

— Иногда это случается и с большими, когда они сильно устали или испугались.
Он смотрел в пол.

— Дедушка бы рассердился.

— Здесь дедушки нет.

— Но он всё равно узнает.

— От кого?

— Не знаю. Он всё узнаёт.

Анна сняла мокрое бельё, застелила кресло запасной простынёй и помогла сыну переодеться. Миша попросил никому не рассказывать.

— Константину тоже?

— Особенно ему.

— Почему?

— Он подумает, что я малыш.

Анна присела перед ним.

— Я не буду рассказывать без твоего разрешения. Но если это повторится, нам нужно будет обратиться к врачу. Стыдиться здесь нечего.

— А в саду не скажешь?

— Не скажу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он успокоился только после того, как она легла рядом. До утра Анна дремала на краю узкого кресла, боясь пошевелиться.

В половине седьмого зазвонил будильник.

На работу она пришла с опозданием на сорок минут.

Начальница вызвала её после обеда.

— Анна, закройте дверь.

На столе лежал отчёт, который она должна была закончить ещё вчера.

— Я всё доделаю сегодня, — сказала Анна.

— Дело не в одном отчёте. За последние две недели вы трижды уходили раньше, дважды опоздали и постоянно разговариваете по телефону в рабочее время.

— У меня семейные обстоятельства.

— Я понимаю. Но отдел не может работать по вашим обстоятельствам.

Анна сжала руки под столом.

— Мне взять несколько дней за свой счёт?

— Если вам нужно — берите. Только имейте в виду: в следующем месяце мы выбираем человека на место заместителя руководителя группы. Я собиралась снова предложить вашу кандидатуру.

Анна почувствовала знакомый укол.

Когда-то она уже отказалась от повышения, потому что отец убедил её, что она не справится. Теперь возможность уходила не из-за его слов, а из-за последствий его действий.

— И теперь не предложите?

— Я ещё не решила. Но мне нужен сотрудник, на которого можно рассчитывать.

— На меня можно рассчитывать.

Начальница посмотрела на незаконченный отчёт.

Анна опустила глаза.

— Я всё исправлю.

— Именно это вы говорили на прошлой неделе.

Раньше Анна начала бы оправдываться. Объяснила бы болезнь Миши, проверку, полицию, переезд. Попыталась доказать, что обстоятельства были исключительными и она всё ещё заслуживает хорошего отношения.

— Вы правы, — сказала она. — Сейчас я не справляюсь с прежним объёмом. Мне нужны два дня. После этого я закончу отчёт и предложу, как закрою накопившиеся задачи.

— Хорошо. Два дня за свой счёт.

Анна подписала заявление.

Уже в коридоре она открыла банковское приложение.

После оплаты квартиры, продуктов и такси на счёте осталось меньше, чем она рассчитывала. Два дня без содержания уменьшат следующую зарплату. Через две недели нужно будет либо продлевать аренду, либо искать другое жильё.

Она могла позвонить отцу. Он всегда держал дома наличные и не раз говорил, что поможет, если она «наконец начнёт думать головой».

Могла позвонить Константину. Он перевёл бы деньги без вопросов.

Анна убрала телефон.

Страх имел цену.

Иногда её можно было увидеть в банковском приложении.

Иногда — в незаконченных отчётах.

Иногда она проявлялась мокрой простыней среди ночи.

Вечером Константин пришёл с небольшим ящиком инструментов.

Миша ждал у окна. Когда во дворе появилась знакомая машина, он вскочил.

— Он приехал!

Анна едва успела открыть дверь, как сын выбежал на площадку.

— Костя!

Константин подхватил его, но сразу поставил на пол.

— Привет.

— Ты долго.

— После работы заехал за инструментами.

— Ты починишь лодку?

— Если капитан разрешит.

— Разрешу.

Миша взял его за руку и потянул в комнату.

Константин прошёл мимо Анны, остановился.

— Привет.

— Привет.

Они не обнялись.

Он осмотрел квартиру, но ничего не сказал о старой мебели, капающем кране и сумках, которые Анна ещё не успела разобрать.

— Кран тоже можешь посмотреть? — спросила она.

— Могу.

— Только если не трудно.

— Не трудно.

Мишину лодку поставили на кухонный стол. Константин достал тонкое сверло, клей и деревянную палочку.

— Старая мачта треснула у основания, — объяснил он. — Просто склеить недостаточно. Нужно укрепить изнутри.

— Тогда будет видно, что она ломалась? — спросил Миша.

— Если присмотреться.

— Сделай, чтобы не было видно.

— Можно заменить всю мачту.

— Нет. Эту дедушка делал.

Константин кивнул.

— Тогда след останется.

Миша расстроился.

— Почему нельзя как раньше?

— Потому что она уже сломалась.

— Ты же умеешь чинить.

— Умею. Но починить — не значит сделать так, будто ничего не случилось.

Анна стояла у плиты и слушала.

Константин осторожно просверлил основание мачты, вставил внутрь тонкий стержень и нанёс клей. Миша следил за каждым движением.

— Теперь нужно подождать, — сказал Константин. — До завтра не трогать.

— А ты завтра придёшь?

— Если мама разрешит.

Миша посмотрел на Анну.

— Разрешешь?

— Да.

— А послезавтра?

Анна поставила чашки на стол.

— Не будем загадывать так далеко.

— Почему?

— Потому что мы с Константином пока решаем, как будем жить дальше.

— Вместе.

Это прозвучало не как предложение.

— Мы ещё не решили, — сказал Константин.

Лицо Миши изменилось.

— Ты меня больше не любишь?

— Люблю.

— Тогда почему не вместе?

Константин придвинул к себе стул.

— Взрослые могут любить ребёнка и при этом не знать, смогут ли жить друг с другом.

— А мама тебя любит?

Они с Анной переглянулись.

— Да, — ответила она.

— А ты её?

Константин долго молчал.

— Да.

— Тогда всё решено.

В мире Миши любовь должна была удерживать людей вместе. Иначе она переставала что-либо значить.

— Одной любви иногда недостаточно, — сказала Анна.

— Дедушка говорит, если любишь семью, надо за неё бороться.

— Он прав, — ответил Константин. — Но борьба — это не всегда заставить другого остаться. Иногда нужно изменить то, из-за чего рядом с тобой небезопасно.

— У нас было опасно?

— Последние дни — да.

— Из-за дедушки?

Константин посмотрел на Анну.

— Не только.

Миша сдвинул брови.

— Из-за мамы?

— Из-за всех взрослых.

— И меня?

— Нет.

— Я ударил дедушку.

— Ты ударил его по руке, когда испугался. Это было неправильно, но не ты создал эту ситуацию.

Миша подошёл к лодке и хотел коснуться мачты.

— Не трогай, — одновременно сказали Анна и Константин.

Мальчик отдернул руку и улыбнулся.

На мгновение всё стало прежним.

После ужина Константин починил кран. Миша сидел рядом на полу и подавал инструменты.

— Ключ.

— Этот?

— Поменьше.

— Этот?

— Да.

— Дедушка тоже всё умеет чинить.

— Я знаю.

— Ты на него сердишься?

— Да.

— А если он скажет «прости»?

Константин затянул гайку.

— Тогда я выслушаю.

— И вы станете друзьями?

— Вряд ли.

— Значит, «прости» не работает.

— Работает. Просто извинение не обязывает другого человека снова доверять.

Миша нахмурился.

— Это ты про маму?

Анна замерла у раковины.

Константин положил ключ.

— И про маму тоже. И про себя. Я просил у неё прощения за то, что выгнал вас на ночь.

Но она не обязана сразу делать вид, что ничего не было.

— А ты её простил?

— Я стараюсь.

— Долго.

— Иногда долго.

Миша поднялся и ушёл в комнату.

Анна проводила его взглядом.

— Мы слишком много говорим при нём.

— Он всё равно спрашивает.

— Не на каждый вопрос нужно отвечать полностью.

— А как? Сказать, что всё хорошо?

— Сказать, что мы разбираемся.

— Он слышит это уже несколько недель.

— И что ты предлагаешь?

Константин закрыл ящик с инструментами.

— Не знаю.

— Ты обычно всё знаешь.

Фраза вырвалась сама. Раньше она была упрёком, теперь прозвучала почти тепло.

— Я успешно создавал такое впечатление, — ответил он.

Они улыбнулись, но улыбка быстро исчезла.

— Как работа? — спросил Константин.

— Взяла два дня за свой счёт.

— Денег хватит?

Анна напряглась.

— Пока да.

— Я не пытаюсь тебя контролировать.

— Знаю.

— Если понадобится помощь...

— Скажу.

— Правда?

В одном слове прозвучало всё, чего между ними больше не было.

— Правда, — ответила Анна. — Но сначала попробую справиться сама.

— А если не получится?

— Тогда попрошу. Не буду скрывать долги и делать вид, что всё хорошо.

Константин кивнул.

— Я перевёл тебе половину того, что мы обычно тратили на Мишу.

— Не нужно было.

— Я участвовал в его расходах раньше и не собираюсь прекращать только потому, что мы поссорились.

— Ты не обязан.

— Юридически — нет.

Слова отозвались в ней болью.

— Но я хочу, — добавил он. — Если для тебя это неприемлемо, верни.

Анна открыла банковское приложение. Перевод действительно пришёл. Этих денег хватило бы на продукты и ещё одну неделю аренды.

Она хотела отказаться, чтобы доказать независимость. Потом поняла, что это будет такая же зависимость от страха — только в другой форме.

— Я приму их как твоё участие в расходах на Мишу, — сказала она. — Не как плату за то, что мы вернёмся.

— Именно так.

Поздно вечером Константин собрался уходить.

Миша стоял у двери в пижаме.

— Ты завтра придёшь за лодкой?

— Приду посмотреть, высох ли клей.

— А потом уйдёшь?

— Да.

— Почему нельзя спать здесь? Диван большой.

Константин присел перед ним.

— Потому что мы с мамой договорились пожить отдельно.

— Я не договаривался.

— Знаю.

— Тогда это нечестно.

— Возможно.

— Ты взрослый. Сделай честно.

Константин посмотрел на Анну.

— Взрослые не всегда могут сделать так, чтобы никому не было больно.

— Дедушка может.

— Дедушка тоже не может.

Миша отвернулся и ушёл в комнату, не попрощавшись.

Константин взял куртку.

— После таких встреч ему, возможно, только хуже.

— Он ждёт тебя.

— А потом каждый раз переживает, что я ухожу.

— Что ты предлагаешь? Не приезжать?

— Нет. Нужно установить понятный график.

— Как будто ты его воскресный папа?

— Как человек, который хочет остаться в его жизни, даже если мы с тобой не сможем быть вместе.

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Ты уже решил?

— Нет.

— Но допускаешь.

— После того, что произошло, я должен.

— Понимаю.

Хотя понимать не хотела.

— Завтра позвоню детскому психологу, — сказала она. — Миша ночью описался. Просил тебе не рассказывать, но я думаю, это важно.

— Конечно, важно.

— Только не показывай ему, что знаешь.

— Не покажу.

Константин застегнул куртку.

— Спасибо, что сказала.

— Я обещала больше не скрывать то, что касается нас.

— Это касается его.

— Значит, касается нас.

Когда дверь закрылась, Анна обнаружила Мишу возле стены в коридоре.

Он стоял, опустив руки.

— Что ты делаешь?

— Наказываю себя.

— За что?

— Не попрощался.

Анна подошла ближе.

— У нас дома так не наказывают.

— Это не наш дом.

— В любом доме, где мы с тобой живём, тебя не будут ставить к стене.

— Я сам встал.

— Почему?

— Чтобы Костя завтра пришёл.

Анна опустила перед ним.

— Эти вещи не связаны.

— Связаны. Если я буду хороший, он вернётся.

— Нет, Миша. Константин ушёл не из-за тебя. И вернётся не потому, что ты себя наказал.
— А из-за тебя?

Анна могла снова сказать, что взрослые оба виноваты. Это было бы правдой, но слишком удобной.

— В большей части — из-за меня. Я обманула его.

— Тогда ты должна стоять.

Слова прозвучали без злости.

Анна посмотрела на пустую стену. Когда-то она сама стояла так, стараясь не двигаться, и верила, что наказание восстановит порядок. Если вытерпеть достаточно долго, отец снова станет добрым, мать перестанет плакать, а дом успокоится.

Теперь её сын предлагал тот же способ.

— Нет, — сказала она. — Мне не нужно причинять себе боль, чтобы исправить ошибку.

— А что нужно?

— Говорить правду. Выполнять обещания. Не прятаться. Дать Константину время.

— Это долго.

— Да.

— Лучше у стены.

Анна почувствовала слёзы, но удержала их.

— Быстрее — не всегда лучше.

Она взяла Мишу за руку и отвела в комнату.

На столе стояла лодка. В основании мачты виднелась тонкая линия — след, который останется даже после высыхания клея.

— Она теперь плохая? — спросил Миша.

— Нет.

— Но сломанная.

— Уже починенная.

— След видно.

— Это не делает её хуже.

Миша лёг и попросил оставить ночник включённым.

Когда он уснул, Анна открыла ноутбук. На экране был незаконченный рабочий отчёт. Рядом лежали банковские расчёты, документы из опеки и копия её объяснения полиции.

Она начала считать цену страха.

Деньги за квартиру.

Потерянные рабочие дни.

Возможное повышение.

Доверие Константина.

Сон Миши.

Собственный голос, которым она так легко расплатилась за обещание недолгого спокойствия.

Больше всего Анну испугало не то, сколько она уже потеряла.

А то, что раньше считала страх бесплатным.

Ей казалось: если промолчать, уступить или солгать, ничего не произойдёт. Не будет скандала, наказания, разрыва. Жизнь просто продолжится.

Теперь она видела: ничего не исчезало.

Каждое невысказанное «нет» становилось правилом, по которому с ней можно обращаться.

Каждая скрытая правда превращалась в оружие в чужих руках.

Каждая уступка ради спокойствия учила Мишу, что любовь нужно оплачивать послушанием.

Страх всегда выставлял счёт.

Просто присылал его позже.

Анна открыла чистый документ и написала сверху:

«Что я потеряла, пока боялась».

Первым пунктом было: «Право доверять самой себе».

Она долго смотрела на эту строку.

Затем добавила вторую:

«Это можно вернуть только поступками».

За окном зажёгся свет в соседнем доме. Кран больше не капал. Из детской доносилось ровное дыхание Миши.

Анна вернулась к рабочему отчёту.

Впервые ей предстояло не избежать последствий своего выбора, а прожить их до конца.

Глава 22. Женщина, которая потеряла себя

Детского психолога звали Татьяна Романовна.

Она принимала в небольшой комнате на первом этаже сада. На полках стояли деревянные фигурки людей и животных, коробки с песком, цветные карандаши и два кукольных дома.

Миша остановился на пороге.

— Меня будут проверять?

— Нет, — ответила психолог. — Я хочу с тобой поиграть.

— А кто победит?

— Сегодня никто.

— Так не бывает.

Татьяна Романовна улыбнулась.

— Значит, попробуем то, чего ещё не бывало.

Она предложила ему выбрать любые фигурки. Миша взял маленького мальчика, женщину в синем платье, высокого мужчину и седого старика. Потом добавил пожилую женщину.

— Это семья? — спросила психолог.

— Две семьи.

Он поставил Анну и Константина возле одного дома, бабушку с дедушкой — возле другого. Фигурку мальчика оставил посередине.

Анна вспомнила разорванный рисунок.

— А мальчик где живёт? — спросила Татьяна Романовна.

— Здесь.

— Между домами?

— Чтобы всех видеть.

— Ему там удобно?

Миша потрогал фигурку.

— Нет.

— Почему же он не выберет дом?

— Тогда другие обидятся.

Анна хотела сказать, что никто не требует от него выбора, но психолог остановила её взглядом.

— А что будет, если взрослые обидятся? — продолжила она.

— Перестанут быть добрыми.

— Все?

— Дедушка сердится. Костя уходит. Мама плачет. Бабушка болеет.

Он перечислял спокойно, как правила игры.

Анна почувствовала, что в комнате стало трудно дышать.

— И что мальчик должен сделать, чтобы взрослые снова стали добрыми?

— Правильно выбрать.

— А как понять, что правильно?

— Надо угадать.

Татьяна Романовна взяла фигурку собаки и поставила рядом с мальчиком.

— Представим, что у него есть друг. Что друг мог бы ему сказать?

Миша подумал.

— Спрячься.

— Где?

Он указал на пространство под столом.

— Там не видно.

Психолог не стала спрашивать дальше. Предложила построить мост между домами. Миша выбрал длинные деревянные дощечки, но каждый раз оставлял между ними небольшие разрывы.

— Так машины провалятся, — сказала Анна.

— Пусть строит, как хочет, — мягко остановила её Татьяна Романовна.

Анна замолчала.

Миша уложил последнюю дощечку и пустил по мосту маленькую машину. Колесо попало в щель, игрушка перевернулась.

— Разбилась, — сказал он.

— Можно починить мост, — предложила психолог.

— Поздно. Машина уже упала.

Он убрал её в ящик и больше к мосту не возвращался.

После игры Татьяна Романовна попросила Мишу порисовать в соседней комнате с воспитательницей.

— Он думает, что отвечает за поведение взрослых, — сказала она, когда дверь закрылась.

— И пытается предугадывать последствия каждого слова.

— Я постоянно говорю, что он ни в чём не виноват.

— Слова важны. Но дети больше доверяют тому, что видят.

— Что он видит?

— Что после его желания пойти к бабушке вы с Константином ссоритесь. После разговора с бабушкой приходят специалисты. Когда он рассказывает о происходящем, взрослые начинают выяснять, кто сказал правду.

— Что мне делать?

— Вернуть ему право быть ребёнком. Не обсуждать при нём жалобы и проверки. Не просить подтверждать вашу версию событий. Не выяснять, кого он любит больше.

— Я никогда не спрашивала, кого он любит больше.

— Возможно, словами — нет. Но дети отвечают не только на заданные вопросы.

Анна опустила глаза.

— Он ночью описался.

— Такое уже бывало?

— Давно, когда мы жили с родителями. Потом прошло.

— Обратитесь к педиатру, чтобы исключить медицинские причины. Но с учётом обстоятельств это может быть реакцией на напряжение.

— Я сломала ему жизнь?

Татьяна Романовна не стала сразу успокаивать её.

— Вы допустили ошибки. Как и другие взрослые. Но жизнь ребёнка не разрушается одним трудным периодом, если рядом появляется человек, готовый замечать последствия и менять своё поведение.

— А если я не умею?

— Тогда будете учиться.

— На нём?

— Все родители учатся на своих детях. Вопрос в том, признают ли они это или называют свои ошибки единственно правильным воспитанием.

Анна посмотрела на кукольные дома.

— Мой отец считает, что всегда поступал ради меня.

— Возможно, так и было.

— Но мне от этого не легче.

— Доброе намерение не отменяет причинённого вреда.

Анна уже слышала похожие слова от Константина. Тогда они показались обвинением. Сейчас звучали как разрешение.

Она могла признать, что отец любил её.

И одновременно — что рядом с ним ей было страшно.

Одно больше не отменяло другое.

— Мне тоже нужен психолог? — спросила Анна.

— А вы как считаете?

— Не знаю.

— Вы часто так отвечаете?

Анна хотела сказать, что ситуация действительно сложная и одного ответа нет. Но вопрос касался не ситуации.

— Да.

— Почему?

— Боюсь ошибиться.

— Перед кем?

Анна посмотрела на дверь, за которой рисовал Миша.

— Перед всеми.

Татьяна Романовна придвинула к ней лист бумаги.

— Напишите пять простых вещей, которые вам нравятся. Не полезных, не правильных, не одобряемых близкими. Просто нравятся.

Анна взяла ручку.

Сначала написала: «Читать».

— Какие книги? — спросила психолог.

Она зачеркнула слово. Отец считал чтение полезным, если книга чему-то учила. Мать любила любовные романы, но прятала их за обложками исторических книг. Анна читала всё, что попадалось, и уже не знала, что выбирала бы сама.

— Не знаю.

— Тогда что ещё?

Анна написала: «Гулять».

— Где?

Она снова остановилась.

В парке нравилось Мише. За город любил ездить отец. Константин предпочитал долгие прогулки по старым улицам. С матерью они ходили по магазинам.

— Я не знаю, где мне нравится гулять.

— Хорошо. Оставьте вопрос открытым.

— Но вы просили написать пять вещей.

— Это не экзамен.

Анна почувствовала раздражение.

— Я понимаю.

— Нет, — спокойно сказала Татьяна Романовна. — Сейчас вы снова пытаетесь выполнить задание правильно, чтобы я осталась вами довольна.

Ручка замерла.

Анне захотелось уйти. Психолог была почти незнакомой женщиной, но уже увидела то, что она тщательно прятала даже от себя.

— Мне нравится кофе без сахара, — сказала Анна.

— Запишите.

Она написала.

— Ещё?

— Тишина.

— Какая?

— Когда никто не сердится.

— Это не тишина. Это отсутствие угрозы.

Анна зачеркнула и это слово.

На листе осталась одна строка: «Кофе без сахара».

— Я даже пяти вещей о себе не знаю, — произнесла она.

— Когда вы обычно выбираете, чего хотите?

Анна задумалась.

Утром готовила кашу, которую ел Миша. На работу надевала одежду, которую считала уместной начальница. В магазине покупала продукты, нравившиеся Константину и сыну. Выходные проводила либо у родителей, либо по предложению Константина.

Даже съёмную квартиру нашла Ольга.

— Почти никогда.

— Тогда начать можно с малого. Не искать немедленно большую цель. Замечать один собственный выбор в день.

— Какой?

— Любой. Что съесть. Куда пойти. С кем говорить. На какой звонок не отвечать.

Последнее заставило Анну улыбнуться.

— Отец звонит с других номеров.

— Вы можете завершить разговор, когда узнаете его голос.

— Он разозлится.

— Вероятно.

— И подаст ещё одну жалобу.

— Возможно.

— Тогда мой выбор затронет не только меня.

— Любой взрослый выбор затрагивает других. Отказ выбирать тоже.

На обратном пути Миша спросил:

— Я правильно играл?

— Там нельзя было играть неправильно.

— Но тётя записывала.

— Она записывала то, что хотела запомнить.

— Что я сказал про дедушку?

— Возможно.

Он встревожился.

— Ему расскажут?

Анна остановилась возле ограды сада.

— Нет. Татьяна Романовна не будет пересказывать дедушке твои слова.

— А тебе?

— Только то, что поможет нам сделать тебе легче.

— Ты теперь знаешь, что я прячусь под столом.

— Знаю.

— Будешь ругать?

— Нет.

— А если дедушка спросит?

— Я не расскажу ему.

Миша внимательно посмотрел на неё.

— А если он рассердится?

— Это будет его ответственность.

Он кивнул, но не выглядел убеждённым.

Дома Анна достала вещи, которые забрала из квартиры Константина: старую красную машинку и письмо из университета.

Миша сразу заметил игрушку.

— У меня такая была.

— Это и есть твоя.

— Моя не сломанная.

— Мы купили другую, чтобы дедушка не узнал, что ты сломал первую.

Миша взял машинку. Одно колесо висело на тонком стержне.

— Ты ему соврала?

— Да.

— Чтобы он не сердился?

— Да.

— Получилось?

Анна вспомнила тот вечер. Отец ничего не заметил. Ужин прошёл спокойно. Миша играл новой машинкой, мать улыбалась, а сломанная игрушка лежала в ящике.

— В тот день получилось.

— Значит, врать помогло.

— На один вечер.

— А потом?

— Ты решил, что ошибки нужно прятать. Бабушка решила, что лучше обмануть дедушку, чем возразить ему. А я снова убедилась, что могу сохранить спокойствие, только если никто не узнает правду.

Миша покрутил колесо.

— Эту можно починить?

— Попробуем.

— Позовём Костю?

Анна хотела согласиться. Константин справился бы быстрее. У него были инструменты и терпение для мелкой работы.

— Сначала попробуем сами.

Они разложили на столе отвёртки, клей и коробку с мелкими деталями. Анна не знала, как закрепить колесо. Посмотрела несколько фотографий в инструкции к клею, нашла подходящий винт и дважды ошиблась с размером.

Миша наблюдал.

— Ты неправильно делаешь.

— Похоже на то.

— Дедушка бы уже починил.

— Наверное.

— А Костя ещё быстрее.

— Возможно.

— Тогда зачем мы сами?

Анна достала другой винт.

— Чтобы понять, можем ли научиться.

— А если сломаем совсем?

— Тогда признаем, что не получилось, и попросим помощи.

С третьей попытки колесо встало на место. Оно крутилось ту же остальных, но не отваливалось.

Миша прокатил машинку по столу.

— Кривая.

— Немного.

— Но едет.

— Едет.

Он поставил рядом новую и старую машинки.

— Теперь у меня две.

— Да.

— Дедушке скажем?

Анна посмотрела на него.

— Если когда-нибудь спросит, скажем правду.

— Он будет ругаться?

— Я не позволю ему ругать тебя за старую машинку.

— А тебя?

— Меня он может попытаться ругать. Но я могу закончить разговор.

Словно услышав это, телефон зазвонил.

Номер был незнакомым.

Анна ответила.

— Да?

— Ты где? — раздался голос отца.

Миша замер.

— Папа, я не буду сейчас разговаривать.

— Почему мать не может дозвониться? Ты запретила ей общаться с внуком?

— Мы были у психолога.

— У какого ещё психолога?

— До свидания.

— Не смей бросать трубку! Мы должны знать, что происходит с ребёнком.

Анна нажала на завершение вызова.

Телефон сразу зазвонил снова.

Она отключила звук и положила его экраном вниз.

— Он сердится, — сказал Миша.

— Да.

— Ты расскажешь про машинку?

— Не сегодня.

— Значит, опять секрет.

Анна задумалась.

— Нет. Секрет — это когда мы прячем правду, потому что считаем себя виноватыми. А сейчас я просто выбираю время для разговора.

— А когда будешь готова?

— Не знаю.

Миша посмотрел на неё укоризненно.

Анна улыбнулась.

— Но решу сама.

Вечером, когда сын уснул, она достала письмо из университета.

Бумага пожелтела по краям. Внутри сохранился буклет с фотографиями большого корпуса, библиотеки и общежития. Когда-то Анна хотела изучать управление проектами. Ей нравилось собирать разрозненные задачи в одну систему, искать решения и видеть результат.

Она получила достаточно баллов, чтобы уехать.

Но мать сказала, что ей станет плохо.

Отец велел решать самой тоном, который означал: правильный ответ только один.

Анна осталась.

Все последующие годы она рассказывала себе, что местный институт оказался удобнее, что специальность не имела большого значения, что переезд был бы слишком дорогим. Она превратила отказ от собственной жизни в разумное решение.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Константина:

«Как прошёл психолог?»

Анна написала:

«Сказала, что Миша считает себя ответственным за нас. И что мне тоже нужна помощь».

Ответ пришёл не сразу:

«Ты запишешься?»

Пальцы замерли над экраном.

Она могла написать «да», чтобы он увидел её желание меняться.

Могла сказать «подумаю», чтобы не связывать себя обещанием.

Анна открыла сайт психологического центра, нашла свободное время и записалась на следующую неделю.

Только после этого ответила:

«Уже записалась».

Константин прислал:

«Хорошо».

Одно слово.

Не похвала и не обещание вернуться.

Просто признание её поступка.

Утром Анна встала раньше Миши. Сварила кофе и по привычке потянулась к сахарнице, хотя всегда пила без сахара. Остановилась и убрала её обратно.

Один собственный выбор.

Потом открыла рабочую почту. Начальница прислала напоминание об отчёте и написала, что собеседования на должность заместителя пройдут через неделю.

Анна прочитала сообщение несколько раз.

В голове сразу зазвучал голос отца: у тебя ребёнок, съёмная квартира, проверки, куда тебе ещё ответственность?

Потом голос Константина: сейчас на тебя нельзя рассчитывать.

Начальница не приглашала её на собеседование. После последних опозданий это было понятно.

Анна открыла новый черновик письма:

«Я хотела бы принять участие в собеседовании на должность заместителя руководителя группы. Понимаю, что события последних недель повлияли на мою работу. Готова представить план закрытия задач и обсудить, как обеспечу стабильность в дальнейшем».

Она долго смотрела на текст.

Отправить письмо означало получить возможный отказ.

Не отправить — снова решить за другого человека, что она недостаточно хороша.

Анна нажала «Отправить».

Ничего не произошло.

Не зазвучала музыка, не исчезли проблемы, отец не перестал звонить. Квартира осталась тесной, доверие Константина — хрупким, а денег всё ещё было мало.

Но впервые Анна совершила действие не потому, что знала правильный ответ.

Она просто поняла, чего хочет.

Женщина, которую она потеряла много лет назад, не вернулась в одно мгновение. Она проявилась едва заметно — в чашке горького кофе, завершённом разговоре и письме, которое можно было не отправлять.

Этого было мало, чтобы назвать себя новой.
Но достаточно, чтобы начать искать прежнюю.

Глава 23. Правда, которую она боялась сказать

Кабинет психолога оказался почти пустым.

Два кресла, небольшой столик, часы на стене и растение с широкими тёмными листьями. Ни игрушек, ни цветных карандашей, ни кукольных домов.

Анна села на край кресла.

— Вы впервые обратились за психологической помощью? — спросила женщина напротив.

Её звали Ирина Алексеевна. Она говорила спокойно, но не мягко — так, что слова не утешали заранее.

— Да.

— Почему сейчас?

Анна подготовила ответ ещё по дороге.

— У нас семейный конфликт. Отец подал жалобу в опеку и полицию. Я подписала объяснение против человека, с которым жила, хотя не считаю его опасным. Теперь мы с сыном снимаем квартиру.

— Что вы хотите получить от наших встреч?

— Научиться не бояться.

— Чего именно?

Анна посмотрела на часы.

— Отца.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Ирина Алексеевна подождала.

— И не только его, — добавила Анна. — Ошибок. Ссор. Того, что человек рассердится и уйдёт. Что я приму неправильное решение и всё разрушу.

— Вы считаете, что разрушили свою семью?

— Частично.

— А кто ещё участвовал?

— Все.

— Назовите каждого.

Анна не сразу поняла, зачем.

— Отец. Он угрожал, давил на Мишу, подавал жалобы. Мать помогала ему и рассказывала наши разговоры. Константин требовал прекратить общение с родителями, а потом попросил нас уйти. Я солгала ему и подписала объяснение.

— Миша?

— Он ребёнок. Он ни в чём не виноват.

— Вы уверенно ответили.

— Потому что это единственное, в чём я уверена.

— А себя вы где поставили бы в этом списке?

Анна задумалась.

— Между отцом и Константином.

— Почему между мужчинами?

— Потому что они конфликтовали.

— Но объяснение подписали вы.

— Да.

— Квартиру сняли тоже вы.

— Да.

— Значит, вы не только между ними. Вы отдельный участник событий.

Анна опустила глаза.

— Мне трудно так думать.

— Почему?

— Если я отдельный человек, получается, я отвечаю за то, что сделала.

— А если вы между ними?

— Тогда меня тянули в разные стороны.

— И ответственность меньше?

Вопрос не был обвинением, но Анна почувствовала желание защищаться.

— Я не пытаюсь оправдаться.

— Я пока не знаю, что вы пытаетесь сделать. Мы только начали.

Анна сжала пальцы.

— Мне казалось, психолог должен помогать.

— Я и помогаю вам заметить, как вы рассказываете собственную историю.

— И как я её рассказываю?

— Так, будто всё происходит вокруг вас, а вы только реагируете.

Анна посмотрела на растение. На одном листе коричневело сухое пятно.

— Наверное, так и есть.

— Тогда зачем вы пришли?

— Чтобы научиться реагировать правильно.

— Снова правильно.

Анна раздражённо выдохнула.

— А как нужно говорить?

— Так, как вы хотите.

— Я не знаю, чего хочу.

— Это вы уже говорили детскому психологу?

— Да.

— И что почувствовали?

— Стыд.

— За что?

— Взрослая женщина не знает, чего хочет. Не может защитить ребёнка, сохранить отношения, нормально работать. Даже квартиру сама не смогла найти — помогла подруга Константина.

— Вы оплатили её?

— Да.

— Живёте там?

— Да.

— Кто принял решение не возвращаться к родителям?

— Я.

— Кто исправил объяснение в опеке?

— Я.

— Кто записался на эту встречу?

Анна промолчала.

— Вы перечисляете свои решения как доказательства несостоятельности, — продолжила Ирина Алексеевна, — и не замечаете тех, которые говорят об обратном.

— Но они запоздали.

— Да.

Анна ожидала, что психолог добавит что-нибудь ободряющее. Та не добавила.

— Что вы больше всего боитесь сказать отцу? — спросила она.

Анна почувствовала, как напряглась спина.

— Что он неправ.

— Вы уже говорили это.

— Он не слышит.

— Тогда какую правду вы ещё не произнесли?

Анна представила кухню родительского дома. Отца во главе стола. Мать возле плиты. Себя — маленькую, тихую, следящую за каждым движением его рук.

— Что я его боялась, — сказала она.

— В прошедшем времени?

Анна подняла глаза.

— Что я до сих пор его боюсь.

Слова прозвучали негромко. Ничего не изменилось. Часы продолжали идти, за окном проехала машина.

Но внутри словно открылась дверь, которую она много лет удерживала закрытой.

— Почему трудно это признать? — спросила Ирина Алексеевна.

— Потому что он любил меня. Работал, обеспечивал семью, помог, когда я осталась беременной. Не бросил.

— И поэтому вы не имели права его бояться?

— Хороших отцов не боятся.

— Кто вам это сказал?

Анна усмехнулась.

— Наверное, он сам.

— Каким он становился, когда вы его боялись?

— Спокойным. Если я делала всё правильно.

— А вы?

— Удобной.

— Это помогало?

— Да.

Ответ оказался честным.

Страх действительно помогал. Он заранее предупреждал, когда нужно замолчать, спрятать письмо, отказаться от поездки, заменить сломанную машинку. Благодаря ему Анна избегала многих ссор.

Только вместе со ссорами исчезала и она сама.

— Что произойдёт, если вы скажете отцу, что боялись его? — спросила психолог.

— Он всё перевернёт. Скажет, что я слабая, неблагодарная или повторяю слова Константина.

— Возможно.

— Тогда зачем говорить?

— Я не предлагаю вам это делать. Спрашиваю, почему вам важно, чтобы он признал вашу правду.

Анна задумалась.

Если отец согласится, что причинил ей боль, детство изменит смысл. Она перестанет быть слишком чувствительной и неблагодарной. Мать перестанет объяснять каждую его вспышку заботой. Константин поймёт, почему она так легко возвращается к подчинению.

— Потому что иначе вдруг я всё придумала.

— Вы часто не доверяете собственным воспоминаниям?

— Когда другие говорят, что всё было не так.

— Что вам нужно, чтобы поверить себе без их разрешения?

Анна не знала.

Ирина Алексеевна протянула ей блокнот.

— До следующей встречи запишите ситуации, в которых ваше тело реагирует раньше, чем вы успеваете подумать: сжимается горло, дрожат руки, хочется немедленно согласиться или оправдаться. Не оценивайте. Просто фиксируйте.

— И что это даст?

— Вы начнёте замечать страх до того, как он примет решение за вас.

После встречи Анна сидела в кафе напротив матери.

Она не собиралась видеться с ней в этот день. Но мать позвонила и попросила поговорить без Виктора. Анна выбрала людное место и заранее предупредила, что у неё есть только полчаса.

Мать заказала чай. Анна — кофе без сахара.

— Ты плохо выглядишь, — сказала мать.

— Я мало сплю.

— Вернулась бы домой, отдохнула.

Анна открыла блокнот и записала: «Предложила вернуться. Напряглись плечи. Захотелось объяснить, почему не могу».

Мать посмотрела на запись.

— Что ты пишешь?

— Наблюдаю за собой.

— Психолог посоветовал?

— Да.

— Теперь ты ходишь к психологу?

— Да.

— Папа был прав: Костя довёл тебя до такого состояния.

Анна снова написала: «Захотелось спорить и доказывать».

— Зачем ты меня позвала? — спросила она.

Мать положила на стол конверт.

— Здесь деньги. На квартиру и продукты.

— Я не возьму.

— Не от папы. Мои.

— У вас общий бюджет.

— Он не знает.

Анна посмотрела на конверт.

— Ты взяла их без его ведома?

— Я откладывала понемногу.

— На что?

Мать поправила шарф.

— На всякий случай.

— Какой?

— Просто на случай, если понадобятся.

Анна вдруг увидела перед собой не только мать, защищавшую мужа. Она увидела женщину, которая тридцать лет прятала деньги, чтобы иметь возможность однажды принять собственное решение.

— Оставь себе.

— Тебе нужнее.

— Нет, мам. Тебе они могут понадобиться.

— Я никуда не собираюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.